

АНДРЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

УКРАИНА КАК ЕВРАЗИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Основную историческую заслугу украинского народа перед “цивилизованным миром” мы, евразийцы, видим не столько в овладении пригодной для земледелия частью евразийской степи, а в мужественной обороне Православия против натиска латинского Запада.

Князь Н. С. Трубецкой

После гибели коммунизма единственным врагом Америки осталось русское Православие.

Збигнев Бжезинский
(после расстрела Белого Дома в 1993 году).

1. ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА УКРАИНУ

Глядя на то, что происходит сегодня на Украине, невольно задаёшься вопросом: а не видим ли мы всё это в страшном “гоголевском сне”? Да что тут Гоголь! Я думаю, что такое не могло бы присниться даже и ему, всю жизнь влюблённому в свою Малороссию. И для того, чтобы попытаться осмыслить то, что не поддаётся разумному осмыслению, невольно обращаешься к прошлому, ища в нём ответ у тех, кто является опорой нашей исторической памяти. К числу таких людей относится русский мыслитель, филолог с мировым именем, основоположник евразийского направления русской исторической мысли князь Николай Сергеевич Трубецкой.

Вынужденный эмигрировать в эпоху революционной катастрофы со своей любимой Родины, он выпустил в Париже в 1927 году работу “К украинской проблеме” в сборнике “Евразийский временник” (Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 362–380). С той поры прошло уже без малого сто лет, однако высказанные там мысли и затронутые проблемы не канули в былое, и на них следует остановиться сейчас.

Непосредственным поводом к этой работе Н. С. Трубецкого явилось потворствование советской властью на Украине в тот период (1920-е годы) культурному сепаратизму для того, чтобы обезоружить сепаратизм политический. Но эта близорукая политика, которую проводил в то время на Украине нарком Л. М. Каганович, разрушала единство русского мира. Однако как русского

мыслителя и теоретика культуры Н. С. Трубецкого интересовали фундаментальные проблемы, не связанные напрямую с сиюминутной игрой политических сил. **Эти проблемы касались общерусских задач и судьб славянства, связанного историческими узами православной веры, языка, культуры и государственности.** Нам хотелось бы осмыслить всё то, что было продумано, выстрадано и высказано Н. С. Трубецким, в свете реалий не только сегодняшнего дня, но также близкого и далёкого прошлого, ибо в минувшем таятся корни теперешних и грядущих событий.

2. “НАША ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ СТРАШНОЙ”

Так высказывался главнокомандующий Украинской повстанческой армией, капитан СС, греко-католик Роман Шухевич.

“Немецкие солдаты, ожидавшие приказа о наступлении, с ужасом освобождали дорогу... “Нахтигалеццы” взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава гимнастёрки, держа наизготовку автоматы. Их вид был омерзителен, когда они в 23:00 29 июня 1941 года бросились в город... словно бесноватые, громко гикая, с пеной на устах, с вытаращенными глазами неслись украинцы улицами Львова... Каждый, кто попадался им в руки, был жестоко казнён”. Так писал германский историк Брокдорф об украинских легионерах батальона “Нахтигаль” (в переводе на русский язык “Соловей”), сформированного перед войной абвером, – батальона, чья кровавая агрессивность ужаснула даже видавших виды германских военных (Сергей Щёголев. “История “украинского” сепаратизма”. М., 2004. С. 466). Всё, описанное выше германским историком, походит на коллективную бессодержимость. Невольно вспоминаются некоторые кровавые эпизоды киевского майдана декабря 2014 года, ввергнувшего Украину в геополитическую пропасть. На ум приходят известные слова Фридриха Шиллера: “Но что всех ужасов страшнее – твоё безумье, человек!” Н. А. Бердяев называл это состояние умов, применительно к некоторым событиям современной ему Европы первой половины XX века, “бестиализацией сознания”.

Украинские легионеры и не подозревали о существовавшем уже тогда немецком плане “Ост”, согласно которому после победоносной войны над СССР предусматривалось выселение в Сибирь 65% малороссов, а остальные подлежали “онемечиванию” как исполнители чужой политической воли. Но ничто не могло остановить ослеплённых ненавистью к России идеологов украинского национализма.

3. ОТ УКРАИНОФИЛЬСТВА К РУСОФОБИИ

Эти экстремистские взгляды имели свою предысторию, восходящую ещё к первой четверти XIX века, когда в известных кругах малороссийской интеллигенции стала созревать идея о культурной и даже политической независимости Украины от России, что привело к созданию в 1847 году славянского, украинофильского “Кирилло-Мефодиевского братства”. Главными его организаторами были знаменитый украинский поэт Т. Г. Шевченко, крупнейший историк Н. И. Костомаров и создатель украинской азбуки П. А. Кулиш.

Одним из ведущих лидеров этого направления уже в конце XIX века стал известный историк, профессор Львовского университета М. С. Грушевский, выходец из греко-католической семьи и первый председатель Украинской Рады в 1918 году. Он пытался доказать, будто русские и малороссы – народы разных исторических корней, и утверждал, что Киевская Русь принадлежит только истории Украины (М. С. Грушевский. Очерк истории украинского народа. Львов. 1905). Ему вторил будущий переводчик на украинский язык “Майн кампф” Адольфа Гитлера Д. И. Донцов (1883–1973), который ещё в начале Первой мировой войны в воззвании “К украинскому народу России” писал: “В полном сознании своей исторической миссии защищать свою древнюю культуру от азиатского варварства московитов. Украина всегда была открытым врагом России, и в своих освободительных устремлениях она всегда искала помощи у Запада, особенно у немцев... Мы, украинцы России, соединившиеся в “Союз освобождения Украины”, употребим все силы для окончательного расчёта с Россией” (Сергей Щёголев... С. 457).

История, увы, повторяется. И геополитические причины, связанные с кровавым разделом мира на “великой шахматной доске истории”, породившие две мировые войны и расчленение Советского Союза, не ушли в небытие. **То, что происходило, происходит и будет происходить на Украине, можно предвидеть и понять только через призму многовековой истории этого многострадального края, волею исторической судьбы поставленного между Россией и Европой.**

4. ГРАНИЦЫ МИРОВОЗЗРЕНИЙ

В 1927 году, когда в Париже вышла упомянутая работа Н. С. Трубецкого, в Берлине была опубликована монография “отца геополитики” Карла Хаусхофера “Границы в их географическом и политическом значении”. В ней Хаусхофер вводит понятие “религиозно-географических” границ, или “границ мировоззрений” (Карл Хаусхофер. О геополитике. Работы разных лет М., 2001. С. 123). Для мировой истории культуры эти понятия имеют гораздо большее значение, чем географические, экономические и даже геополитические представления. Они дают нам возможность рассуждать о “духовной географии мира”, о планетарных центрах духовного взаимного тяготения и отталкивания. О невидимой огненной лаве человеческого духа, до поры до времени сокрытой в подспудных глубинах коллективно-бессознательных эмоций. Они могут быть мгновенно трансформированы под воздействием эндогенных и экзогенных факторов с помощью религиозно-культурного кода в соборно-осознанные коллективные действия или обрушиться вовне неуправляемой лавиной бессознательного хаоса. **Незримая “геопсихотектоника” периодически делает явными линии геоментального разлома между странами и народами.** И никакие сверхценные идеи глобализации и американского “плавильного котла культур” (melting-pot) не могут ни скрыть, ни затушевать этот процесс.

На протяжении тысячелетий Великая Китайская стена на Востоке служила водоразделом двух геокультурных пространств: кочевого океана степей и оседлого земледельческого Китая. Веками стратегически продуманная система римских укреплений по Рейну и Дунаю служила геокультурной границей между Римской империей и германо-славянским миром. Отсюда рождается представление о пограничном сознании, связанном с процессом взаимопроникновения и взаимоотталкивания этнокультурных традиций, лежащих по обе стороны от линии раздела. Но пограничное самосознание – это не только сознание своей и чужой культуры. Это одновременно и вечная борьба за жизненное пространство на Земле.

5. ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Вернёмся к Украине, которая мечтает стать ещё более “демократичной”, чем обманутая, обворованная и униженная, но не вставшая ни перед кем на колени Россия. Почему Западный мир, особенно в лице Америки, прилагал и прилагает столько усилий, не жалея средств, для окончательного отделения Украины от России? Ответ на этот вопрос пытался дать Збигнев Бжезинский – теоретик и практик глобального разрушения нашего великого Русско-евразийского государства. “Украина, – писал он, – новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само её существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей... Однако, если Россия вернёт себе контроль над Украиной с её 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Чёрному морю, то Россия автоматически превратится в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии” (Збигнев Бжезинский. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 61-62). Значит, Бжезинский признавал, что Украина, по крайней мере западная её часть, находится в Европе. А это, в свою очередь, означает, что психологически для него, как, впрочем, и для любого среднего европейца реальная граница между Европой и Азией проходит все не по Уральскому хребту, а к западу от того географического пространства, которое с XVIII века по недоразумению именуется “Восточной Европой”.

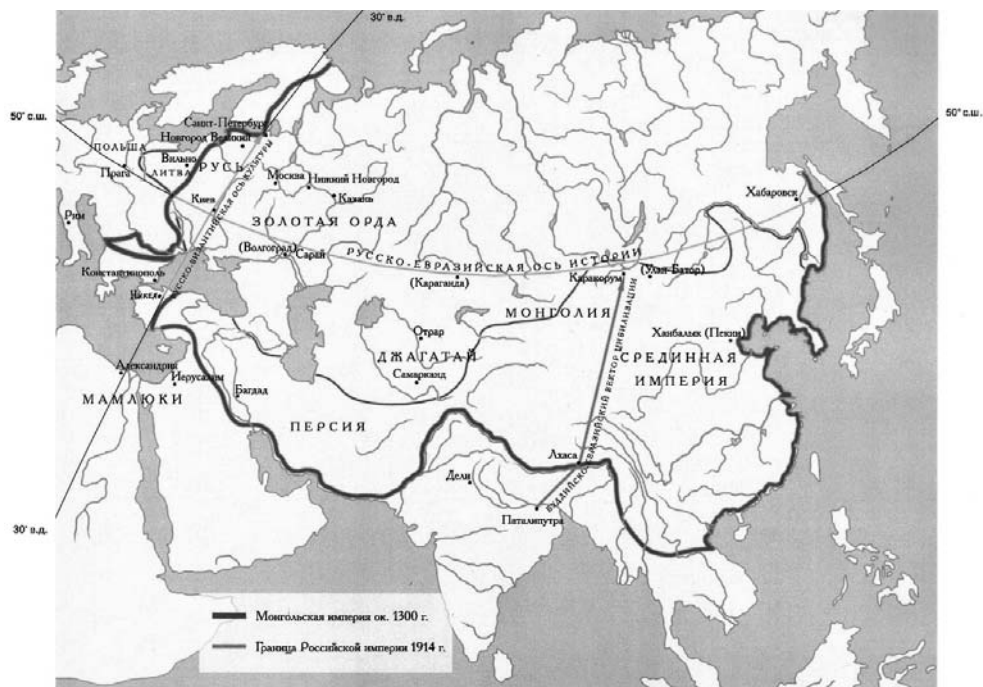
“Одно только слово “Европа”, – писал Освальд Шпенглер, – с возникшим под его влиянием комплексом представлений, связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство” (Освальд Шпенглер. Закат Европы. М., 1998. С. 145). И в самом деле, если Россия – уже Европа, то зачем же надо было “прорубать в неё окно”?

6. ВИЗАНТИЙСКО-РУССКИЙ “ДУХОВНЫЙ МЕРИДИАН”

Вспомним, что названия “Азия” и “Европа” восходят к представлениям древних ассирийцев, столица которых, Ниневия, находилась в междуречье Тигра и Евфрата, где недавно было государство Ирак, разгромленное и разграбленное американцами. Вероятно, названия эти происходят от индоевропейских корней “асу” и “эреб”, означающих “свет” и “тьму”, “восход” и “закход” и, соответственно, “Восток” и “Запад”. С этой точки зрения Европа могла бы начинаться уже к западу от Евфрата. Геродот (V век до н. э.) проводил эту границу ещё западнее, по восточному берегу Средиземного моря и далее на север. Во времена знаменитого греческого астронома и географа Клавдия Птолемея (II век н. э.) эта граница между Азией и Европой ещё сместилась к западу и стала проходить через проливы Босфор и Дарданеллы, что сохранилось по традиции и до сегодняшнего дня.

Если от Александрии – древнего международного центра, где в эллинистическое и римское время происходила встреча культур Запада и Востока, – начертить прямую линию через Никею на азиатском берегу Босфора к устью Дуная, а затем провести ее мимо Киева до Санкт-Петербурга, то линия эта почти совпадёт с меридианом Пулково (30° восточной долготы), что наводит нас на некоторые важные умозаключения.

Византийско-русский “духовный меридиан” культуры и Русско-евразийская ось истории

Карта-схема “Русско-евразийского континентального пространства” (Монголосферы) из монографии Г. В. Вернадского “Начертание русской истории” (Прага, 1927). На карту-схему А. Н. Зелинским нанесены: “Русско-евразийская ось истории” (50° с. ш.), “Византийско-русский духовный меридиан культуры” (30° в. д.) и вектор “буддийско-евразийской” цивилизации.

Русско-евразийское континентальное пространство отделено самой природой климатической границей от Европы, соответствующей средней температуре (изотерме) января и проходящей меридианально с севера на юг через Прибалтику, Белоруссию и Украину до Чёрного моря. “К востоку от этой границы, – отмечал мой учитель и друг Л. Н. Гумилёв, – средняя температура января – отрицательная, зима холодная, морозная, часто сухая, а западнее преобладают влажные тёплые зимы, при которых на земле слякоть, а в воздухе туман” (Л. Н. Гумилёв “От Руси к России”. М., 2002. С. 20). Но гораздо важнее другое: с каждым шагом к западу от Пулковского меридиана мы входим в другую, не только климатическую, но и геокультурную сферу. Псков ещё со времён Ливонского ордена (то есть рубежа XII–XIII веков) воспринимался на Руси как пограничный город. К западу от него и теперь уже явственно начинает ощущаться смена ментальностей, нравов, характеров, стереотипов поведения, “коллективной личности”, народа. Следовательно, **область Пулковского меридиана можно рассматривать как область перехода, как религиозно-географическую границу или как “границу мировоззрений”**. Если же применить более точную психологическую терминологию, то следует говорить о различном “психическом климате” по обе стороны от этой границы, о разных средних “психических температурах”, то есть о различных “психотермах” коллективной личности. На протяжении веков эта граница служила духовным водоразделом между Православием и Католицизмом. С эпохи так называемого Просвещения, то есть с XVIII века и, особенно, после Французской революции 1789 года, – окончательной переоценки всех прежних европейских ценностей, – этот водораздел в сознании среднего европейца стал обозначать границу между “цивилизированной Европой” и “нецивилизированной Россией”. Эта мифологема почти без изменений сохранилась и до сегодняшнего дня! А то, что сознание живёт мифологемами, было блестяще показано без малого сто лет тому назад выдающимся русским мыслителем А. Ф. Лосевым в его знаменитом труде “Диалектика мифа”. Этот невидимый водораздел можно ещё назвать в исторической ретроспективе **византийско-русским “духовным меридианом” веры и культуры**. Со времён Крещения Руси в 988 году он символически соединял по меридиану с юга на север Царьград (Константинополь) – первую христианскую столицу “Второго Рима” – и первую христианскую столицу Древней Руси – Киев – с последней христианской столицей императорской России – Санкт-Петербургом – почти прямой “вероисповедной осью”. С другой стороны, в широтном направлении он подчёркивал духовную границу между Западом и Востоком, то есть своего рода линию православной обороны от многовековой агрессии католицизма.

7. ЗАПАД ПРОТИВ ВОСТОКА

Вся первая половина XIII века, начиная с разгрома и разграбления крестоносцами Константинополя (1204) и кратковременного образования на месте Православного царства Латинской империи (1204–1261), проходит в непрекращающихся попытках Папской курии насадить любой ценою Католицизм на Руси. В середине XIII века происходит окончательный раскол на пролатинскую (Даниил Галицкий и Андрей Владимирский) и промонгольскую (Александр Невский) группировки. О том, что само папство способствовало этому, свидетельствует тот факт, что Папа Иннокентий IV на Лионском соборе (1245), **перечисляя “пять скорбей” Католической Церкви, на первом месте упоминает татар и православных**. Пролатинская группировка была разбита с помощью татарских сил, и в 1252 году Александр Невский получил от внука Чингисхана Батая ярлык на великое княжение. Время рассудило, на чьей стороне была правда в этой трагической исторической коллизии. **“Православие или смерть”, – мог бы так выразить своё духовное кредо благоверный князь Александр Невский** вместе с современными монахами греческого монастыря Эсфигмен на Афоне, при входе в который на камне выбиты эти слова (ορθοδοξια η θάνατος).

Когда Монгольская империя при другом внуке Чингисхана, великом хане Хубилае, ставшем китайским императором, в апогее своего могущества раскинулась от Тихого океана до Средиземного моря, образовав государство, не имевшее по своим масштабам прецедентов в мировой истории, Папа

Бонифаций XIII, которому Данте в “Божественной комедии” уготовил ещё при его жизни место в восьмом круге ада, в своей знаменитой булле “*Unam sanctam*” провозгласил в 1302 году в качестве программы, что **“для всякой человеческой твари безусловно необходимо для спасения подчиняться римскому престолу”** (Д. С. Робертсон и И. И. Герцог. “История христианской церкви от Апостольского века до наших дней”. Пг., 1916. Т. 2. С. 159). Следует отметить, что **буллу эту Римская Церковь не отменяла никогда.**

Принятие русскими князьями Католицизма (в добровольной или принудительной форме) означало бы уничтожение православной веры и культуры, привитой от великого византийского древа. **Православие (на примере Византии и Руси) оказалось духовно, психологически и исторически несовместимым с католицизмом, а “русскость” с латинством. Как бы ни относиться к этому факту, его надо принять как историческую реальность, как глубинное различие духовных архетипов, проявляющееся в стереотипах коллективного поведения.**

8. ЗАЩИТА ВЕРЫ В БОРЬБЕ АРХЕТИПОВ

Если, следуя Карлу Густаву Юнгу, понимать архетип как первообраз божественного начала в “коллективном бессознательном” индивида и общества, то, с нашей точки зрения, только в “коллективно осознанном” он кристаллизуется в свою законченную форму, освящённую традицией. К. Г. Юнг отличал архетип от “архетипического представления”, прошедшего обработку воспитанием сознания (Карл Густав Юнг. “Архетип и символ”. М., 1991. С. 98-99). Именно воспитание архетипических представлений, согласно “матрице культуры”, рождает уникальную неповторимость религиозных традиций человечества. Иными словами, стремление к воссозданию образа Бога в человеке и социуме есть единственная подлинная задача культуры, вырастающей из сердцевины религиозного культа (Павел Флоренский. Из богословского наследия // “Богословские труды”. Т. 17. М., 1977. С. 89). Поэтому, в известном смысле, **можно говорить о “католическом сознании” и о “православном сознании”, выращенных из разных архетипических представлений.** Отсюда рождается мысль о принципиальной неосуществимости объединения (унии) Католической и Православной Церкви, о чём некогда грезил наш выдающийся религиозный философ и предтеча русского религиозного ренессанса Владимир Соловьёв.

В качестве примера несовпадения религиозного сознания католиков и православных обратимся к иконе, которая фактически отсутствует у католиков. Православно-византийская иконография, не пустившая корней на Западе, наглядно демонстрирует глубинную разницу в “Боговидении” восточного и западного христианства. Православное богословие иконы покоилось на древних христианских принципах, связанных, в частности, и с учением о Божественных энергиях, которое было и осталось чуждым католицизму. Это учение было, как известно, окончательно сформулировано великим православным богословом и духовидцем митрополитом Солунским св. Григорием Паламой и утверждено на Константинопольском соборе 1341 года. Интересно, что современником и свидетелем богословских споров православных с католиками, отрицавшими учение о “Божественных энергиях”, был знаменитый предтеча гуманистов Франческо Петрарка (1304–1374), который называл империю греков “седалищем заблуждений” и жаждал, чтобы она была низвергнута руками итальянцев (Е. Ч. Скржинская. “Петрарка о генуэзцах на Леванте” // “Византийский временник”. Т. II, (XXIV), М.-Л, 1949. С. 260-261). После гибели Византии (1453) “традиция” такого отношения к православным в западном мире перешла на русских, которых пять веков спустя известный французский писатель и путешественник, русофоб маркиз де Кюстин в своей нашумевшей книге “Россия в 1839 году”, вызвавшей возмущение императора Николая I, называет “византийцами времён упадка” (Маркиз де Кюстин. “Николаевская Россия”. М., 1930. С. 139).

Идея превосходства европейской культуры, подменившей в новое время теократический принцип папской гегемонии общедоступной концепцией “мирового прогресса”, получила в середине XIX века своё научное обоснование в известной работе графа Жозефа Артура Гобино “Опыт о неравенстве человеческих

рас”, в которой автор выступил основателем расовой историософии (Gobineau M. A. Essai sur l'inegalite des races humaines. Т. I-II. Paris, 1853). Гобино определял расы как различные групповые “биопсихические единицы”. Новация Гобино заключалась лишь в том, что он применил старую, как мир, идею “избранного народа” к народам романо-германской Европы, то есть стал основоположником “еврорасизма”! Прямо противоположную позицию занял во второй половине XIX века выдающийся русский мыслитель К. Н. Леонтьев, одна из работ которого носила пророческое название: **“Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения”** (К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство // Собрание сочинений К. Леонтьева. М., 1912. Т. 6). А о “среднем американце” задолго до Леонтьева пророчески писал А. С. Пушкин: **“С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нетерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё, возвышающее душу человеческую, подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort)”** (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 1949. С. 1235). Самое страшное, если современное **“комфортобесие”** станет превращаться в национальную идею.

Нашумевшая книга Гобино вышла в год начала Восточной, или Крымской, войны (1853–1856). Войны, которая носила характер мировой войны Европы (Англии и Франции при негласном содействии Австрии) и Турции с Россией. Характерно, что перед самым вступлением в эту войну архиепископ Парижа Мария-Доминик-Огюст Сибур возвестил со своей кафедры в соборе Парижской Богоматери всей Франции, что “война, в которую вступает она с Россией, **не есть война политическая, но война священная**; не война государства с государством, народа с народом, но единственно **война религиозная**...” То есть война со схизматиками (раскольниками), отказавшимися подчиниться Римскому престолу. К слову сказать, к началу Крымской войны со времени окончательного церковного раскола между Православием и Католичеством (1054) прошло 800 лет! Однако время бессильно перед метафизикой человеческого духа, перед “архетипами соборного сознания”, перед невидимой архитектоникой духовных пространств, обогрённых кровью мучеников за веру. Теперь уже под знаменем “общего рынка” осуществляет объединённая Европа свой вечный натиск на Восток. Но Католичество тоже не опустило своего духовного и политического оружия в борьбе за земли и души своих “восточных собратьев”, где первенствующее место отдаётся Украине.

9. УНИЯ И ЕЁ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Мы должны вернуться к XIV веку, когда в Западную Русь пришло господство Польши и Великого княжества Литовского, девять десятых земель которого было занято тогда православным русским населением. Но после династической унии Польши и Литвы в 1385 году римский Католицизм был объявлен государственной религией, и гонение на Православие начало набирать силу. Но православное русское население с трудом поддавалось латинизации, отстаивая свою веру. В этом его всегда поддерживало казачество, которое само было порождением Украины в первоначальном значении этого слова, то есть “окраины”, пограничной земли. Именно от этого слова и произошло сначала неофициальное название Украины (Г. В. Вернадский. Россия в средние века. М., 2001. С. 64). Литва и особенно Польша прекрасно осознавали, что наиболее надёжный путь – психологически приспособить западнорусских крестьян и часть православного дворянского сословия к новому порядку с помощью подрыва традиционной независимости Западнорусской Церкви и подчинения её владычеству Римского Папы. Однако время показало, что такое обращение не только трудно, но и вовсе невозможно. Поэтому в Риме решили подготовить переход православных в католичество путём постепенных различных уступок. На этой почве и созрела у католиков ещё в XIII веке идея унии – слияния православного и католического исповеданий при полном догматическом и каноническом господстве последнего, но с уступкой православным в отмене целибата (запрещения на брак), в богослужении на родном языке и сохранении восточных обрядов.

При этом католики не посчитались с тем, что **нельзя насильственно ломать старую форму отношений человека с Богом и навязывать новую**.

И справедливо писал в своём знаменитом труде “Россия и Европа” Н. Я. Данилевский, говоря о психическом строе европейских народов: “Одна из таких черт, общих всем народам романо-германского типа, есть **насильственность** (gewalt-samkeit)” (Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. СПб, 1889. С. 191). Насилие есть и остаётся донныне фундаментальной чертой психического склада романо-германской Европы. Насилие же в области веры есть высшая форма такого духовного и психического насилия. Вера — это главная, таинственная и глубоко сокрытая, личная, интимная сторона души верующих, которая проявляет себя в определённом духовном и церковном алгоритме, сформированном веками соборного опыта религиозной жизни. Насильственное вторжение в налаженный ритм этой жизни можно назвать, используя терминологию Владимира Соловьёва, “религиозным палачеством” (В. С. Соловьёв. Собрание сочинений. Т. 8. С. 133) со многими непредсказуемыми последствиями. Эти последствия могут быть названы если не “духовной кастрацией”, то, во всяком случае, “духовной мутацией” национального “психо-ментального” поля, искажающей траекторию традиционной религиозной жизни народа. И изменения эти сказываются на всей социальной жизни людей в их новых межконфессиональных взаимоотношениях друг с другом, которые рождают не существовавшие ранее негативные стереотипы коллективного поведения, часто не поддающиеся коррекции.

Принявшие унию были подобны “сидящим на двух стульях” — были одинаково чужды и католикам, и православным (хотя и ближе к католикам), — что расшатывало устои их коллективной психики. В итоге уния породила с годами такую ненависть и вражду между греко-католиками и православными, что известный униатский епископ Полоцка Иосафат Кунцевич был подвергнут народному самосуду в Витебске (1623) за свои многочисленные зверства по отношению к православному русскому населению. Несмотря на это, ничто не помешало Католической Церкви причислить его к лику святых. Невольно вспоминаются трагические события середины XVII века на Руси, когда церковный раскол внутри самого Православия разделил верхи и низы каждой из противоборствующих сторон русского народа в непримиримом религиозном противостоянии, следы которого до конца не изжиты донныне. И пусть нам не говорят, что религия не играет своей прежней роли в жизни людей. Перед лицом вечности каждый рано или поздно становится верующим, часто даже не сознавая этого. Следовательно, **“религиозный нерв народа”** есть главная точка приложения тех сил, которые могут возродить или погубить нацию.

Здесь важно подчеркнуть, что сам никонианский раскол в Русской Церкви был тесно связан с процессом, который Н. С. Трубецкой назвал “украинизацией великорусской духовной культуры” на рубеже XVII и XVIII веков. **Надо помнить, что западнорусская редакция богослужения на церковно-славянской языке была при Патриархе Никоне признана единственно правильной!** “Единая русская культура послепетровского периода, — считал Н. С. Трубецкой, — была западно-русской — украинской по своему происхождению, но **русская государственность была по своему происхождению великорусской**, а потому и центр культуры должен был переместиться из Украины в Великороссию. В результате и получилось, что **эта культура стала не специфически великорусской, не специфически украинской, а общерусской**” (Н. С. Трубецкой Ук. соч. С. 367). Для этой “общерусской культуры” было характерно, что все, кто попадал в поле её тяготения, рано или поздно до известной степени “обрусевали”, становясь в той или иной мере русскими. Таковыми были “русский грузин” и любимец Суворова Пётр Багратион, “русский армянин” великий маринист Иван Айвазовский, “русский еврей”, певец русской природы, великий пейзажист Исаак Левитан, “русский бурят” и легендарный врач, крестник Александра III Пётр Бадмаев, “русский украинец”, великий писатель земли русской Николай Васильевич Гоголь. И примерам этим несть числа. Есть ещё одно свойство русского характера, которое Ф. М. Достоевский называл “всемирной отзывчивостью”, а Л. Н. Гумилёв — “комплементарностью”, то есть дружелюбием по отношению друг к другу и к чужеземцам. Стремлением понять другого человека, посочувствовать, помочь ему, попытаться постичь его душу. “Ибо что такое сила духа русской народности, — сказал Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине, — как не стремление в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности”.

Ведь не случайно же Александр Блок в своей последней поэме “Скифы” о себе и о своих соотечественниках писал:

*Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

Всё сказанное свидетельствует о том, что “гравитационное поле” общерусской православной культуры Святой Руси обладает уникальными и неповторимыми духовно-энергетическими свойствами планетарного масштаба.

Навязанная Римом Византии Флорентийская церковная уния 1439 года, осуждённая на Константинопольском соборе 1450 года, просуществовала всего десять лет. Это случилось накануне падения Царьграда под ударами турок. Многими православными современниками эта произошедшая катастрофа расценивалась как Божье наказание за унию. В самый день гибели Православной столицы “Второго Рима” (29 мая 1453 года) последним свободным волеизъявлением греков был клич: “Лучше рабство мусульманам, чем соглашение с латинянами” (В. С. Соловьёв. Собрание сочинений. Т. IV, б/г. С. 96).

Но Флорентийская уния дала повод латинским властям в Литве и Польше преследовать православных, что уже полностью осуществилось в эпоху католической контрреформации и при активном содействии иезуитов. 9 октября 1596 года, несмотря на протест Православной Церкви, униатский собор в Бресте торжественно провозгласил Унию Западнорусской Церкви с Римом и отлучил от Церкви всех епископов, священников и монахов, отказавшихся принять её. Это было уже генеральное наступление на Православие в западнорусских землях. Но на протяжении всего XVII века большинство украинской крестьян сохраняло Православие, и давление униатов вызывало у них сильное возмущение и придавало религиозный характер всем социальным потрясениям. Началась эпоха жесточайших гонений на Православие, которая закончилась для Левобережной Украины её присоединением при Богдане Хмельницком к России в 1654 году. В своей “Оде” к 300-летию воссоединения Украины с Россией “русский еврей” поэт Наум Коржавин писал:

*Поляки и турки застлали пути,
И нет ни числа им, ни меры.
И если уж волю никак не спасти,
Спасём православную веру.*

Для Западной Украины гонения на Православие закончились лишь в 1794 году после окончательного “третьего раздела” Польши при Екатерине II, когда ею был издан указ, разрешающий свободное и добровольное воссоединение униатов с Православием — к концу её царствования число “воссоединённых” составило свыше двух миллионов человек. Но почти двухсотлетнее гонение и насильственное внедрение унии не могло не оставить тяжёлых следов и незаживающих ран в коллективной психике народа.

10. ЭХО КРОВАВОГО ПРОШЛОГО

Украина сегодня — это трагический отголосок старой религиозной борьбы за землю и за человеческие души, но уже на новом эсхатологическом витке истории. Ещё раз вспомним кровавый майдан декабря 2014 года, с которого начался процесс “сатанизации” Украины. Лиха беда начало! В августе того же года в селе Пастырское Черкасской области открылась завезённая из США церковь сатаны. Это была первая подобная “структура” на постсоветском пространстве. Поклонниками этой церкви в Америке были такие ненавистники России и Православия, как экс-президент США Рональд Рейган, экс-премьер Великобритании Маргарет Тэтчер и экс-претендентка на пост президента США сенатор Хиллари Клинтон. Как говорится, комментарии излишни.

На фоне активизации сатанистов идёт и реанимация Греко-Католической Церкви — порождения Брестской унии 1596 года. Происходит самовольный и часто насильственный захват греко-католиками православных храмов,

переходящих в подчинение Ватикану (храмы Харьковско-Полтавской епархии). Под угрозой оплот Православия – Киево-Печерская лавра, находящаяся в канонической юрисдикции Московского Патриархата. Начался процесс “унизации” Украины. И это несмотря на то, что из сорокамиллионного её населения около тридцати миллионов – православные, и только около восьми миллионов – униаты, если верить современной статистике. “Майданная пассионарность”, подпитываемая Западом, позволяет греко-католическим активистам продолжать своё разрушительное дело по расколу “психо-ментально-го” поля украинского народа. Как будто начинает сбываться мечта одного из идеологов уни, известного папского нунция Антонио Поссевино, посланного Папой Григорием XIII в 1582 году к царю Иоанну Грозному в безнадёжной попытке обратить его в католичество или склонить к уни.

11. ЕВРОРАСИЗМ И РОССИЯ

Сейчас с внешней стороны конфессиональные вопросы как будто отошли на задний план. Но именно они создают тот устойчивый пассионарный фон непримиримой борьбы и внутреннего напряжения массовых страстей, что все мы можем наблюдать сегодня. Это невидимое поле конфессионального “психо-ментального” фронта эксплуатируется всеми теми, кто хочет ещё больше углубить трещину между двумя родственными народами великого славянского древа и приватизировать Украину.

“За беспорядками в Киеве стоят американцы” – так называлась статья известного журналиста Изна Трейнора, опубликованная около двадцати лет тому назад в газете “Гардиан” от 26 ноября 2004 года, где он писал: “Эта кампания – творение американцев, утончённое и блестяще спланированное учение по массовому маркетингу и продвижению западного бренда, которое было использовано в четырёх странах за четыре года для спасения фальсифицированных выборов и свержения непривлекательных режимов”. Ничего не изменилось с тех пор, только всё усугубилось и накалилось до предела. Теперь объединённая “Новая Европа” выступает уже не под католическим флагом, а под лозунгом “мирового рынка”. Здесь надо вспомнить “Конституцию Европейского Союза”, подписанную в Риме двадцатью пятью странами 29 октября 2004 года. **Среди её “ценностей” нет даже упоминания христианства** – многовековой основы европейской цивилизации, на что в своё время с прискорбием обратил внимание приснопамятный Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Люцифер расправляет над объединённой Европой свои сатанинские крылья.

Вхождение в орбиту “рыночной цивилизации”, провозгласившей рынок в качестве своей идеологии, означает духовную и национальную гибель для всякого народа, вступившего на этот путь. “Европа – не человечество”, – скажем мы, перефразируя заглавие эпохальной программной работы князя Н. С. Трубецкого “Европа и человечество”, где он фактически говорит о евро-расизме как о “вандалистическом культуртрегерстве великих держав Европы и Америки” (София, 1920. С. 43). Итак, если Европа – не человечество, то, действуя заодно с Америкой, она грозит превратиться в антицивилизацию “постчеловеческой эпохи”. Вспомним Ирак, Югославию, Ливию, Афганистан... Кто следующий? “Общество потребления” превращается на наших глазах в “общество истребления”. Людей слишком много, и у мирового сообщества есть свои “гуманитарные” средства бороться с этим. Два рухнувших небоскрёба в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года стали “хорошим” поводом для “легитимного” завоевания мира. Какую же созидательную идею несёт благополучная Америка миру обездоленных и голодных людей? В “золотой миллиард” попадает лишь одна шестая часть населения планеты. Эту американскую идею озвучил всё тот же традиционный ненавистник России и Православного мира Збигнев Бжезинский. “Стремление к личному богатству – сильнейший социальный импульс в американской жизни и основа американского мифа”, – заявлял он в одной из своих последних книг (Збигнев Бжезинский Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство М., 2004. С. 231).

Но может ли отнестись всерьёз к такой идеологии русское религиозное сознание? **Ведь не случайно писал Освальд Шпенглер о русских, что их**

“всецело мистическая внутренняя жизнь воспринимает мышление деньгами как грех”.

Н. С. Трубецкого иногда называют “русским Шпенглером”. В самом деле, ни у кого из его предшественников не было такого последовательного фундированного и глубинного отрицания западной технократической и “техно-денежной” цивилизации. Но, в отличие от Освальда Шпенглера, Трубецкой был русским православно-евразийским мыслителем в высоком значении этого слова, для которого религиозно-государственные идеалы становились аксиомами культуры и основой жизненного поведения. Характерна и сама преждевременная смерть его в сорокавосемилетнем возрасте от разрыва сердца. Она произошла в 1938 году в Вене, где он ведал в Университете кафедрой славистики, во время обыска, который проводило в его кабинете гестапо.

Ещё более радикально о европейской цивилизации высказался “арьергардный боец русской культуры” Алексей Фёдорович Лосев: “Отрицать Бога имеет смысл только тогда, когда человек сам хочет сесть на место Бога, когда он сам хочет стать Богом... Отсюда, **если средневековое мировоззрение все называют теологией, то новое мирозерцание точно так же все должны называть сатанологией**, если бы не вековое ослепление либеральными побрякушками” (А. Ф. Лосев. Диалектика мифа. М., 2001. С. 256)

12. ЗАЩИТА ДУХОВНЫХ ГРАНИЦ

Россия и Украина должны объединиться, прежде всего, для охраны своих нравственных и духовных границ, ибо мутные воды западной массовой культуры с пропагандой сатанизма, наркотиков, гомосексуализма, лесбиянства, содомии и педофилии захлёстывают последние островки нравственного сознания заблудшего “еврочеловечества”. В этой связи особенно важна мысль Н. С. Трубецкого о том, что украинская культура “ценна для нас вовсе не своим “европеизмом”... вовсе не воспринятыми в ней элементами гуманизма и реформации, с одной стороны, и католической схоластики – с другой, а тем, что, несмотря на все эти вынужденные и исторически неизбежные уступки Западу, **культура эта всё-таки сохранила верность Православию и сумела, используя орудия врагов, облечь Православие в защитную броню. А потому ту часть украинского народа, которая не удержалась в Православии, мы считаем культурно и духовно изуродованной”** (Н. С. Трубецкой. Ответ Д. И. Дорошенко // В кн.: История. Культура. Язык. С. 394).

Всё сказанное надо попытаться осмыслить и понять, лишь исходя из многовекового религиозного культурно-исторического контекста. Этот контекст предполагает такой взгляд на мировые процессы, который уходит в наиболее глубокие и устойчивые пласты исторической памяти, в архитектуру “коллективного сознания”, в аксиоматику человеческого духа, формирующего в каждой культуре свои стереотипы “коллективного понимания” и “коллективного поведения”. **Хотим мы этого или нет, но современная эпоха катастрофической переоценки всех прежних ценностей вновь возвращает нас к религиозным вопросам, которые не только не потеряли своей остроты в переживаемом нами апокалиптическое время, но, напротив, приобретают всё более грандиозные масштабы.** В этом ключе мы и попытались рассмотреть глубинные причины “психотектонических сдвигов”, происходящих на Украине как области многовекового болезненного и трагического соприкосновения Православия с Католичеством, Востока с Западом, России с Европой.

России грозит гибель, если она не вернётся к идеалам Святой Руси! Идеалам, поддержанным всей мощью возрождающегося великого Русско-евразийского государства, связанного вековыми узами исторической судьбы с близкими и родственными ему по духу другими народами Евразии. Залогом этого возрождения служит **“духовный иммунитет”** государствообразующего русского народа, выработанный веками его трагической героической истории. **Только русский народ способен выстоять перед шквалом “сатанинской пандемии” с Запада, грозящей уничтожить последние нравственные опоры жизни на Земле.**

22 ноября 2021 года